

...по волнам нашей памяти... УЧИТЕЛЬ

ЕСЛИ НОША ТЯЖЕЛА — ДЕРЖИСЬ ЗА НЕЕ

*Интервью И. Я. Лойфмана, взятые слушателями кафедры философии
42 набора ИПК Маклаковым В. Т. и Бекаревым А. М. в декабре 1987 г.*

Редакция стенгазеты «За овладение марксизмом»: Дорогой Исаак Яковлевич! Оперативная редакция 42 набора слушателей кафедры философии Института повышения квалификации преподавателей общественных наук при УрГУ решила воспользоваться редкостным юбилейным моментом и получить (от Вас) интервью. Надеемся на Вашу отзывчивость и искренность. Не сомневаемся, что Ваш богатый знанием и мудростью жизненный багаж интересен для все еще не юбиляров. Поздравляя Вас с наступившим 60-летием, желаем прежней работоспособности, творчества, здоровья, богатых проявлений немалого жизненного и профессионального опыта, благополучия Вашей семье.

И. Я. Лойфман: Спасибо за внимание.

Ред.: Расскажите поначалу о родительской семье: кто были Ваши родители, чем занимались, как Вас воспитывали? Кто вообще повлиял на Вас в молодости?

И. Я.: Для социологов я интеллигент в первом поколении. Дед по матери был красильщиком, дед по отцу — мясником. Образование отца — бухгалтерские курсы, интерес к исторической книге — от него. Мать окончила четырехклассное училище, воспитывала троих детей, вела подсобное хозяйство. Воспитывали две великие литературы — русская и украинская. Воспитывали В. Маяковский и Н. Островский (собирался за него дописать «Рожденные бурей»). В школьные годы на меня, младшего в семье, сильно влияли сестра, которая стала врачом, и брат, который стал ученым-филологом (оппонентом по его диссертации выступал академик В. В. Виноградов).

Ред.: Детство Ваше пришлось на 30-е годы. Отношение к этому времени в период нынешней перестройки не назовешь однозначным, утвердилось настроение осуждения, скажем так, тяжелых деформаций социализма. Вышли в свет соответствующие произведения А. Рыбакова («Дети Арбата») и Ю. Нагибина («Встань и иди»), материалы о трагических судьбах М. Булгакова, О. Мандельштама и т. п. Интересно, каков Ваш, пусть детский образ того времени и Ваше отношение к нынешним суждениям по поводу 30-х?

И. Я.: 30-е годы для меня — это годы первых пятилеток, гигантского рывка страны вперед. Главный жизненный импульс «Время, вперед!» я получил в

30-е годы. Крепко запечатались в детском сознании война в Испании, покорение Северного полюса. Стал событием выход в свет «Краткого курса истории ВКП/б/». Пошли в газетах статьи о работе В. И. Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», о категориях диалектики, о том кто такие Гегель и Фейербах и т. д. Мой первоначальный интерес к философии сформировался в 30-е годы. Тогда же учеником 6-го класса делал выписки из «Материализма и эмпириокритицизма» о том, что такое материя. Деформации социализма, о которых повествуют А. Рыбаков и Ю. Нагибин, не должны заслонять главного течения жизни.

Ред.: Что же было потом, после войны, конец которой Вы застали 18-летним юношей? Ваше первичное профессиональное образование — физическое, затем — прорыв в философию и это, как говорится, надолго. Почему? Что влияло на профессиональный выбор, его зигзаги? Ведь расхожей формулой «профессионал (физик ли, биолог, историк), ставший философом, — неудавшийся профессионал», здесь, вероятно, не обойтись?

И. Я.: В годы Великой Отечественной войны работал на свердловском заводе № 734 (ныне завод резино-технических изделий), учился в школе рабочей молодежи, увлекался историей дипломатии и даже хотел поступить в Институт международных отношений. Аттестат зрелости получил в 1946 г. Общая тяга на физические специальности увлекла и меня. На физическом факультете Уральского университета, где я учился, курс лекций по философии ярко читал Л. Н. Коган, интерес к философским вопросам физики культивировал академик С. В. Вонсовский. Студенческий доклад по критике «физического» идеализма — моя первая философская работа. Спустя годы С. В. Вонсовский выступил оппонентом по моей кандидатской диссертации «Историческое развитие и философское значение категорий притяжения и отталкивания», которую я подготовил под руководством М. Н. Руткевича.

Ред.: Зная Вас со второй половины 60-х, со студенческой скамьи следя за Вашими работами и общаясь с Вами, можно представить эволюцию Ваших научных интересов и занятий, их спектр: прежде философские вопросы естествознания (физики), теория отражения с выходом в гносеологию, логико-категориальный аппарат диалектики в его методологическом измерении; ныне — научная картина мира, познавательный образ и его структура, наконец, самобытность философии как духовного феномена и мировоззренческий потенциал марксизма. Но это внешняя сторона изменения Ваших интересов, которая, вероятно, не совпадает с внутренним духовным развитием. Если не секрет, немного об этом, о движении Вашего «субъективного духа».

И. Я.: Мы живем во времени, а время живет в нас. Мой научный интерес закономерно перемещался от общенаучных категорий к научной картине мира и далее — к научному мировоззрению. Конечно, дух времени в этом возвышении присутствует.

Ред.: Философ, представляющий определенную деятельность и общественную потребность, претендует на многое — выявление сути, открытие смыслов и значений, а его возможности между тем, мягко говоря, скромные. Вы не воспринимаете это положение драматически? Задевает ли Вас знакомая строчка русского поэта философического направления (любомудра) Е. Баратынского:

Философ я: у вас в глазах
Мое ничтожество я знаю...?

И. Я.: Драмы нет, если верить, что в результате своей деятельности в мире уже прибавилось чуточку разумного.

Ред.: Прошедший 15–20-летний период назвали «эпохой застоя». Много неслестного в этой связи слышится в адрес философии: обвинения в схоластике, догматике, цитатничестве и буквальном следовании партийным документам. Вместе с тем Ваше профессиональное дело в большой мере пришлось на это время, и Вы заинтересованно и плодотворно работали. Поэтому как Вы лично воспринимаете нынешнюю критическую (т. е. полную критики и критиканства) ситуацию?

И. Я.: В кривом зеркале некоторых публицистов наша история изображается как годы культа, волюнтаризма, застоя. Негативизм столь же вреден, как и апологетика. Страна шла вперед, и наш научно-педагогический труд был моментом этого движения. Другое дело, что достигнутые результаты не соответствуют потребностям общественного развития, и сейчас необходимо усилить воздействие философии на все стороны общественной жизни и познания. Необходима концептуальная перестройка философии во имя усиления и развития ее гуманистической функции.

Ред.: Такой, на наш взгляд, принципиальный для каждого современника, задушевающийся над жизнью, вопрос. Сегодня как-то не бывало, вплоть до болезненных проявлений, обострился интерес к национальным отношениям. Витийствует общество «Память», прогремело наше свердловское «отечественное» «Отечество». Как Вы рассматриваете и оцениваете поднятую ими антисемитскую волну?

И. Я.: Когда читаешь сегодняшнюю прессу об их выступлениях, публикации представителей этих организаций, того же Пинаева в «Нашем современнике», то у меня это вызывает естественное чувство протеста: как такое возможно в наши дни? С социалистической демократией и гласностью, от которой эти выступления будто бы делаются, они несовместимы. Даже если вспомнить 30-е годы с их отклонениями и крайностями, тогда этого не было. Прав Анатолий Приставкин, вспоминая в своем интервью (*имеется в виду интервью информационной программе «Взгляд»*) отношения в детском доме на фоне бедствий малых народностей в эти годы, когда говорит: мы все-таки были интернационалистами. Так что сегодняшние выступления — это, конечно, негативные явления. И они меня задевают. Жаль, что они получают какое-то содействие и огласку, это своего рода капля дегтя в бочке меда, особенно в юбилейный год 70-летия Октября.

Ред.: Сколько было у Вас аспирантов? Какие качества Вы рассматриваете в человеке, выбирая аспиранта? Часто приходилось слышать от студентов или выпускников об их желании работать с И. Я. Лойфманом. Если такое желание выражено, вы всегда идете навстречу (Или: все-таки происходит выбор — он за Вами, или...?) Вам часто приходится определять темы, названия исследований.

И. Я.: Тридцать два моих аспиранта успешно защитили диссертации. У аспирантов и его научного руководителя должны быть общие научные интересы и общая ответственность. Тогда успех обеспечен. Конъюнктурные соображения науке противопоказаны.

Ред.: Традиционно результат научно-педагогического влияния ученого выражают так: школа, направление, последователи, ученики. Этот вопрос может показаться нескромным: применяете ли Вы эти мерки в оценке собственного научно-педагогического воздействия, или к ним дело не сводится?

И. Я.: Бесспорно, что у нас есть своя философская школа и свое направление в разработке теории отражения и теории диалектики. В этом отношении мы никому не уступаем.

Ред.: Вы много работаете. Существует представление, что Вы все успеваете. Или это легенда? А, может быть, Вы взяли на вооружение методику А. А. Любищева? Как складывается Ваш рабочий день?

И. Я.: Приходится успевать. К методике А. А. Любищева отношусь отрицательно. Просто не нужно откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня.

Ред.: Расскажите о Ваших увлечениях, непрофессиональных интересах. Ваши, как говорит литературный герой, «хобби»?

И. Я.: Давнее увлечение — афористика и стихотворения в прозе. Но как-то так получается, что непрофессиональный интерес, так или иначе, втягивается в сферу профессиональной деятельности.

Ред.: Ваша семья очень разнообразна по профессиональному представительству: Вы — философ, жена — медик, а дочь — учится на филологическом. Как прокомментировать этот выбор?

И. Я.: Дети не обязаны копировать путь родителей. У них иные задатки, иные творческие интересы.

Ред.: Сегодня наблюдается литературно-журнальный бум. Что Вы выписываете, какие произведения произвели на Вас наибольшее впечатление?

И. Я.: Обычно выписываю «Новый мир» и «Дружбу народов». Из крупных произведений выделил бы «Плаху» Ч. Айтматова, из мелких художественных форм, которыми больше увлекаюсь, — «Мгновения» Ю. Бондарева и «Затеси» А. Астафьева. Замечу попутно, что публицистика Ю. Бондарева и В. Астафьева меня не вдохновляет.

Ред.: Вы любите путешествовать. Один из нас оказался как-то вместе с Вашей семьей в поездке в старинный город Переславль-Залесский. Какие в этих поездках у Вас самые крупные и запомнившиеся «приобретения»?

И. Я.: В путешествиях меня более всего привлекает история и природа. Из поездки в Переславль-Залесский запомнились Спас нерукотворный, Плещеево озеро, ботик Петра I, а также ярославские вишни.

Ред.: (В. Т. Маклаков) — Это те самые вишни, которые мы коллективно уничтожили возле Федоровского монастыря? Замечательно, что Вы об этом помните.

Ред.: Ваша симпатия к В. В. Киму давняя и, казалось бы понятная. И вместе с тем в Вашем союзе есть какая-то человеческая тайна.

Несколько слов на тему «Ким в моей жизни».

И. Я.: Тайны здесь нет. С В. В. Кимом меня уже много лет связывает взаимная и деятельная симпатия, которая и строить и жить помогает, усиливает положительные качества каждого, и недостатки каждого нейтрализует. Здесь как раз тот случай, когда свободное развитие каждого является условием свободного развития обоих.

Ред.: На лекции Вы как-то приводили пример о присутствии паров этилового спирта в Космосе. Казалось, что Вы носитель трезвого мышления и трезвого образа жизни, а эти детали — признак многознания. Поэтому вопрос о ваших пристрастиях, вкусах и любимых блюдах?

И. Я.: Судьба крымского винограда, о которой рассказал Ю. Черниченко, не оставила никого равнодушным, тем более, что португальский портвейн поступает к нам нерегулярно.

Ред.: Мы знаем Ваше решение основного вопроса философии. А вопрос о смысле жизни является решенным?

И. Я.: — В чем жизни смысл?

Конечно, в ней самой:
Чтоб цвел цветок,
Чтоб падал снег зимой,
Чтобы звезда горела неизменно,
Чтоб ночь и день
Друг другу шли на смену...
То отпускались,
То слетали б листья...
И все — без выгоды,
Все — без корысти...

Ред.: Кто Вам ближе (с кем интереснее) — студенты или слушатели ИПК? Судя по опыту последних лет, меняются и в какую сторону слушатели (кроме того, что средний возраст их, несомненно, растет, — ведь мы стареем)?

И. Я.: Мне близки и интересны люди, с которыми я работал и работаю. И школьники, и студенты, и слушатели ИПК. На каждом новом витке жизненного пути — свои задачи — все более сложные. Сейчас в ИПК учебный процесс смыкается все больше с научным поиском. Но чем сложнее задача, тем интереснее работать и жить.

Ред.: Вы, конечно, знаете, что «Исаак» с древнееврейского переводится «он будет смеяться». Относите ли Вы этимологический смысл этого имени к себе? Над чем Вы внутренне или внешне смеетесь? Ценность юмора для Вас?

И. Я.: Солидарен в этом вопросе с академиком П. Л. Капицей. Тот, кто не понимает юмора — безнадежный человек. От него нельзя ждать ничего серьезного

Ред.: Спасибо. Ваши пожелания, Исаак Яковлевич, слушателям — читателям и замечания нам, интервьюерам.

И. Я.: В заключение позвольте такой совет: *Если Ваша ноша тяжела, держитесь за нее.*